

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
МОРОЗОВОЙ ЕВГЕНИИ НИКОЛАЕВНЫ
«"МАЛАЯ ДРАМАТУРГИЯ" ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА:
ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА (Н.А. ЛЕЙКИН, А.П. ЧЕХОВ)»

представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 - русская литература

Диссертация Евгении Николаевны Морозовой важна самой постановкой задачи. В Чеховской комиссии при Совете по Мировой культуре РАН давно уже говорят о том, что «необходимо вернуть Чехова его историческому времени», т.е. вписать в историко-литературный контекст: к сожалению, из-за невозможности работать в архивах и библиотеках это стало сложным. Однако как только этот контекст утрачивается, начинается бездоказательное приписывание произведениям Чехова далеких от них смыслов. В этом плане сопоставительный анализ произведений Чехова и одного из талантливых его современников важен, чтобы понять, как развивается литература, в чем гений совершает «прорыв».

Начнем с важных положительных достижений работы.

Во-первых, это восстановление истории изучения малых жанров. Автору диссертации повезло, тут научная литература насчитывает не тысячи наименований, но в целом это потребовало большой работы. Попутно отметим и некоторые шероховатости: все же хотелось бы большей оценочности, честности при анализе исследователей прошлого. Так, работы Г.П. Бердникова, конечно, до сих пор представлены в библиотеках, но все же отношение к ним как к работам официальным и примитивным по мыслям должно быть более открыто высказано, это не абсолютный авторитет. В остальном аналитический обзор не вызывает возражений.

Во-вторых, автор восстанавливает саму историю малых жанров драматургии. Сделано это последовательно, тщательно и на хорошем филологическом уровне. Автор работы справедливо отмечает, что «малая драматургия» Чехова плохо изучена: «...и как «малая драматургия», которая, с одной стороны, всегда сопутствовала драматургии больших форм, с другой – представляла собой уникальное явление со своими тенденциями развития. <...> она отличается особой полисемантической природой, воплощенной в текстах малого объема с экономным использованием художественных средств и приемов, что порождает удивительное разнообразие недостаточно исследованных жанровых форм и модификаций, которые и становятся объектом нашего интереса на примере творчества Н.А. Лейкина и А.П. Чехова». Автор работы утверждает, что малая драматургия является полноценным драматургическим явлением: «... эволюционные процессы, происходившие внутри «малой драматургии», неоднородны: если в 1870-е гг. малые драматические формы отличались большей связью с традицией, то на рубеже веков они теряли устойчивые жанровые признаки, что было обусловлено попытками писателей вместить в малый текст большое содержание. В стремлении преодолеть фрагментарность переходной эпохи драматургии уже не замыкаются в рамках индивидуального и бытового, а, широко используя фольклорные и мифологические образы, символические коды, поэтику аллюзий и реминисценций, обращаются к вечному и бытийному».

Это определило цели и задачи работы и положения, выносимые на защиту, не вызывающие возражений.

Однако нам хотелось бы сделать важное дополнение. В работе не прозвучал важный момент, влияющий на малую драматургию. Это не только «фрагментарность переходной эпохи». Есть еще и внелитературные факторы, оказывающие огромное влияние на развитие малой драматургии: она отвечала формам проведения массового досуга интеллигенции, что и способствовало ее развитию. Во второй половине 19 века было развито домашнее музицирование – и

домашние любительские постановки, для которых нужен был драматургический материал. Вот небольшая цитата из мемуаров о писателе: «Летом 1889 года А.П. Чехов гостил в Ялте. Он был уже тогда автором двух сборников, один из которых получил академическую премию; года четыре как печатался в большой распространенной газете и «прошел» уже в толстый петербургский журнал – «Северный вестник». Между тем популярность Чехова основывалась главнейшим образом – странно сказать – на его водевиле «Медведь», в том сезоне впервые увидевшем сцену. Так создается слава. Досадно было на эту публику, слушая, как она склоняла «Медведя. Досадно было на нее и обидно за талантливое молодого писателя.

-Чехов... да... ах, как прелестно написан его «Медведь», - вздыхала барышня.

-У нас в клубе давали «Медведя», - объявляла дама, - и я играла вдову.

-А я – помещика, чёрт меня возьми! – добавлял господин. – Восторг, а не водевиль!

Или:

-Скажите, какой это Чехов: автор «Медведя»?

-«Медведь» - да, ведь это одно вдохновение!

-Любой современной комедии стоит: даром что водевиль!

-Прибавьте: и драмы!

<...> А так, «Иванов» и «Медведь» - вот о чем говорили, называя имя Чехова. «Иванов» был предметом любопытства и споров, «Медведь» был предметом восторгов и не сходил в столицах и провинции с афиш. Кажется, не было такого глухого угла, где бы ни ставили эту вещицу, и не было таких любителей, которые бы не пробовали изображать «медведя-помещика» и неутешную «вдову».

Успех «Медведя» легко объясняется свежестью той вещицы по тому времени, ее неподдельным и брызжущим юмором. <...> У «Медведя» и материальные дела были очень хороши. Говорили потом, что он дает Чехову от

500 до 1000 руб. в год. Сам Чехов, конечно, этой вещице значения не придавал и говорил о ней с улыбкой. Она и написана была, кажется, за один присест. <...> Закончу «Медведем», с которого начал.

Чехов мало говорил об этой пьеске, но любил ее. Она была его «Маскоттой» и, пожалуй, имела в его литературной деятельности вообще и драматической в частности, символическое значение. Чехов так же, как и его степной помещик, явился в дом неутешной вдовы – литературы незваным и непрошеным, без рекомендательного письма и не вовремя. Его не хотели принимать, грозили вывести его (при помощи критиков и рецензентов) за неприличные манеры (отсутствие «направления»), призывали к барьеру (к ответственности перед «идеалом»). Но Чехов не смущался и продолжал свое дело. Он шел напролом со всей прямоотой медведя и непосредственностью степного человека, поражая чуткостью к жизни и правдивостью изображений. И неутешная вдова – литература сдалась...»¹

Это, кстати, может объяснить загадку, о которой пишет автор: «...традиционная картина генезиса и эволюции художественного явления не выявляет всего его многофункционального своеобразия. Хронологический подход не объясняет, какие причины влияют на соотношение жанровых форм и модификаций, почему периоды «взлетов» и «падений» «малой драматургии» не укладываются в логику неизбежной и последовательной эволюции литературного процесса». В этих условиях малая драматургия Чехова помимо глубокого психологического содержания давала возможность актеру-любителю проявить себя, организовать досуг, сделать его ярче, светлее. В работе очень много сказано о пошлости жизни пограничной эпохи («Являясь неотъемлемой частью литературного процесса, малые драматические формы оказываются неизбежными в переломные для истории и литературы моменты как отражение расколотого

¹ Д. Городецкий // Огонек (Иллюстрированное обозрение) журнал общественных и полит. наук и изящных искусств. Прилож. к «Биржевым ведомостям». 1904. № 29. С. 227-230.

мировосприятия эпохи. Они становятся экспериментальным пространством, в котором фрагментарное сознание человека предпринимает попытку примирения с миром») – малая драматургия Чехова давала и развлечение, радость в достаточно тяжелой жизни интеллигенции. К сожалению, этому уделяется в работе мало внимания.

Большой интерес представляет третья глава. Автор утверждает, что малые пьесы Н.А. Лейкина характеризуются, с одной стороны, тесной связью с традицией (Н.В. Гоголь, А.Н. Островский), с другой – дают основания для формирования новых тенденций (М. Горький). Малые пьесы в творчестве А.П. Чехова приобретают значение эксперимента, позволившего драматургу найти новые приемы и способы изображения мира и человека, а литературный диалог Н.А. Лейкина и А.П. Чехова реализуется на уровне мотивной организации и образной системы «малой драматургии», причем в мотивной структуре пьес Н.А. Лейкина и А.П. Чехова ведущее значение приобретают мотивы маски, дороги, прозрения, несостоявшегося праздника, воплощающие философскую проблематику произведений. Все это справедливо и интересно, особенно потому, что одни и те же мотивы столько по-разному разворачиваются у писателя-гения и писателя второго ряда. Мы бы, пожалуй, порекомендовали автору работу сделать «список мотивов» малой драматургии конца 19 века по аналогии со списками мотивов сказок или анекдотов: на этом фоне индивидуальность Чехова была бы выявлена ярче, и тогда вывод прозвучал бы более аргументированно («Анализ чеховской концепции водевильного жанра позволил нам заключить, что жанровое своеобразие драматических миниатюр писателя состоит в расширении водевильной тематики; отказе от традиций комедии положения; замене условных масок, свойственных традиционному водевилю, человеческими характерами; отказе от интриги, счастливого финала как обязательных условий развития драматического действия; индивидуализации речи, использовании ее в качестве средства создания психологического портрета персонажа; наличии подтекста, реализующегося с помощью литературных реминисценций, культурных аллюзий,

речевых лейтмотивов, пауз, числовой символики, образов, несущих на себе большую смысловую нагрузку; отсутствию границ между драмой и комедией, обусловившем полижанровую природу малых пьес драматурга»). Такой «список мотивов» позволил бы сделать и некоторые важные наблюдения теоретического характера о типах конфликтов, характерных для малых жанров.

Ну и несколько частных замечаний. В работе есть несколько модных «увлечений», например, нумерологией («По нашему мнению, неоднозначное содержание произведения реализуется не только в виртуозно разработанной системе мотивов, но и в употреблении автором числовой символики. Обращает на себя внимание активное использование А.П. Чеховым числа 5 и чисел, оканчивающихся на указанную цифру. «Пять» с языка чисел переводится как 'творчество хаоса' и имеет значение 'полезная война'. Согласно нумерологии число 5 создает новое, порождает идеи не из Порядка как единица, а из Хаоса. «Пятерка» также обозначает споры во имя установления истины, борьбу человека – внешнюю (с окружающими людьми ради выживания) и внутреннюю (с самим собой). 5 – число бракосочетания, любви, единения. В греко-римской, еврейской, кельтской, японской, китайской и иных традициях число 5 считается важнейшим порядковым началом, символом мироздания» - и т.д.). Нумерология – бесконечно далека Чехову и его картине мира. Ну что ж, будем считать увлечение автора диссертации нумерологией данью водевильной традиции!

Основные положения диссертации апробированы на конференциях. Все положения, выносимые на защиту, были предметом публикаций соискателя, они полно отражены в статьях и автореферате.

Работа написана хорошим научным стилем, список источников и литературы составлен в соответствии с ГОСТ. Достоверность заявленной гипотезы и результатов исследования обуславливается широкой теоретической и методологической базой, о чем свидетельствует обширный библиографический список.

Таким образом, имеются все основания утверждать: диссертация «"Малая драматургия" последней трети XIX века: Проблематика и поэтика (Н.А. Лейкин, А.П. Чехов)» - научно состоятельное, актуальное и значимое исследование, которое соответствует необходимым квалификационным признакам, определенным п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842), а ее автор, Евгения Николаевна Морозова, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
в сфере международных отношений

Института международных отношений

Федерального государственного

автономного образовательного учреждения

высшего образования «Казанский

(Приволжский) федеральный университет».

Член Чеховской комиссии при Совете

по мировой культуре РАН

Бушканец Лия Ефимовна

1 ноября 2020

Контактные данные:

Тел.: +79172595421 , e-mail: lika_kzn@mail.ru, 420111, Россия, Казань, ул. К. Фукса, 4-25.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена докторская диссертация (2013) 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

420008, Республика Татарстан г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Институт международных отношений

Тел.: рабочий телефон 8-843-2315154; e-mail: Lija.Bushkanets@ksu.ru

Подпись Лии Ефимовны Бушканец удостоверяю:

1 ноября 2020

